

УДК 39(470.51)

Г. А. Никитина

**ВЗАИМОПОМОЩЬ
КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
«МОРАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ» КРЕСТЬЯНСТВА ***

Обычай традиционной взаимопомощи-*веме* рассматривается как один из социальных приемов, гарантирующих взаимную подстраховку хозяйств общинников от голода и других неблагоприятных ситуаций. Этот прием Дж. Скотт назвал «моральной экономикой», или «этикой выживания» крестьянства. Он использовался в прошлом, и не потерял своей актуальности в современных сельских сообществах. Показана трансформация межсемейной кооперации в удмуртской деревне рубежа XX–XXI вв. под влиянием рыночно-ориентированных социальных реформ.

Ключевые слова: удмуртское крестьянство, теория «моральной экономики», *веме*, специфика современных форм взаимопомощи селян.

Традиция взаимопомощи и взаимовыручки, имеющая глубокие исторические корни, с полным правом относится к одной из ценностей, «цементирующих» формальные и неформальные связи сельского сообщества и затрагивающих производственную и духовно-нравственную сферы его жизни. По мнению ряда исследователей-аграрников, в традиционном обществе именно институт крестьянской взаимопомощи делал деревню *настоящей деревней*.

Цель данной статьи – провести аналитический экскурс в историю отношений взаимопомощи в удмуртской деревне вт. пол. XIX в., а затем представить современные формы ее бытования, увязывая их в ходе анализа с теорией «моральной экономики». Подобное обращение к теме представляется оправданным в условиях рыночно-ориентированных социальных трансформаций рубежа XX–XXI вв., когда изменились не только базовые, «земные» основания жизни

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (2012–2014 гг.). Проект № 12–П–6–1011 «Этнокультурное наследие Камско-Вятского региона: источники, материалы, исследования».

сельского социума, но и духовно-нравственные сферы его функционирования, причем не всегда в лучшую сторону.

Для начала попытаемся прояснить, что представляет собой теория «моральной экономики» и почему взаимопомощь крестьянства увязывается с ней. Автор концепции – выдающийся американский ученый Дж. Скотт, изложивший ее суть в 1976 г. в книге «Моральная экономика крестьянства» и впоследствии дополнивший в других работах, например в «Оружии слабых» [1. С. 135]. Корни «моральной экономики» докапиталистических крестьянских обществ – в страхе нехватки продовольствия, во избежание чего земледельцы выработали комплекс технических приемов, предписанных опытом веков и направленных на производство в каждом данном условиях как можно более стабильных урожаев. Существовало множество социальных приемов, служащих той же цели. Образцы взаимопомощи, вынужденная щедрость, общинная земля и разделение труда помогали выровнять неизбежные провалы в семейных ресурсах, которые в противном случае могли столкнуть ту или иную семью, или большинство членов общины ниже уровня выживания. Страх земледельцев перед голодом, принцип «прежде всего безопасность» дал толчок тому, что Дж. Скотт условно назвал еще «этикой выживания» [2. С. 203]. Один из краеугольных камней концепции «моральной экономики»: особая ценность, «значительно превышающая все другие соображения», – «все то, что позволяет подстраховаться семью от угрозы голода» [1. С. 140].

По мысли Э. Вульфа, любой крестьянин отдавал себе отчет, что, скажем, «сегодняшняя неудача соседа это чаще всего игра слепого случая, или „Божья воля“. Завтра то же может постигнуть и его самого», и поэтому он сегодня должен помочь соседу, а когда у него появятся проблемы, сосед придет на помощь к нему. Таким образом, «крестьянская взаимопомощь – это не столько христианская благотворительность, сколько коллективная взаимостраховка» [3. С. 91].

Невозможно представить себе современные крестьяноведческие исследования без использования рассматриваемой концепции, хотя, по словам В. В. Бабашкина, в отечественной науке далеко не все ученые безоговорочно принимают ее [1. С. 135–137]. Между тем освященное обычным правом мирской практики разнообразие помочей как один из сюжетов российской истории – весомое доказательство того, что аналитические построения морально-экономической теории работают на любом этническом материале, будь то русский или удмуртский.

В советский период Удмуртии историки относили крестьянскую взаимопомощь к родовым пережиткам [4], с чем едва ли можно согласиться. Так, советский этнограф Ю. И. Семенов полагал, что если под взаимной помощью понимать «особого рода обмен вещами и деятельностью, то его в родовом обществе (первобытном обществе, первобытной коммуне) заведомо быть не могло», так как все его члены были полными собственниками всех средств производства и продуктов. Между ними могли быть только отношения распределения, но не обмена. Обменные же отношения возможны только между субъектами обособленной собственности, то есть между автономными крестьянскими дворами [5. С. 56–57].

Изучение истории пореформенной общины-*бускель* с неизбежностью приводит к выводу, что взаимопомощь-*веме* была неотъемлемой частью мирской

жизни. Она связывала крестьянские дворы в единый экономический организм, гарантировала нормальное функционирование индивидуальных дворохозяйств. Необходимость обращения к помощи соседей, односельчан обуславливалась разными причинами: плохими погодными условиями (поздняя, холодная весна, дождливое или, напротив, засушливое лето и др.), сезонным характером большинства видов хозяйственной деятельности, недостатком рабочих рук в семье, какими-либо экстраординарными событиями (смерть главы семьи, падеж скота и др.). Основу обычая составлял совместный неоплачиваемый труд для аккордного завершения у отдельных хозяев какого-либо дела.

Все разнообразие форм взаимопомощи можно объединить в три основные группы. Одну из них составляли помочи, проводимые многими, а то и всеми общинниками последовательно у каждого домохозяина. В срочных сезонных работах (пахота, сев, сенокос) такая взаимопомощь практиковалась редко: каждый двор стремился в кратчайшие сроки справиться с полевыми работами для максимально возможного положительного результата. Зато широко практиковались помочи при обмолоте зерна и выполнении некоторых женских работ. Так, для молотбы общинники группировались в небольшие артели из 8–10 человек и по очереди обмолачивали хлеб друг у друга.

Во вторую группу входили помочи, по решению сельского схода организуемые всей или почти всей общиной в отдельном хозяйстве, оказавшемся в силу разных обстоятельств в тяжелой ситуации. Так, помогали погорельцам, сиротам, вдовам с малолетними детьми, солдаткам. Общинники вспахивали и засеивали им земельные наделы, помогали убирать урожай, заготовить сено. Подобный вид *веме* устраивался иногда, чтобы вывезти навоз, также для ремонта или строительства дома, рытья колодца, заготовки дров.

К третьей группе относилась помощь, оказываемая односельчанами по просьбе (инициативе) конкретного домохозяина. Такая форма помочи, какой бы многочисленной она ни была, не имела прямой связи с общиной как таковой: «общинными они являлись лишь генетически и по своей социально-психологической основе» [б. С. 37]. Обычно начиналась она с приглашения родственников, соседей. Если работа предстояла объемная и срочная, извещали всех односельчан и даже родственников из соседних деревень. Продолжительность работы зависела от ее объема, но, как правило, заканчивали работу в течение одного дня (или даже полудня). Хозяин был любезен и приветлив с помочанами. Он не мог ни принуждать, ни указывать, как и сколько кто-либо должен работать. Крестьянская этика исключала также его замечания, если чья-либо работа ему не нравилась.

Взаимная помощь оказывалась не только трудом, но и предметами, продуктами, деньгами. Общинники (в первую очередь родственники) помогали маломощным родственникам погашать недоимки, выручали посевным зерном (при его недостатке), лошадьми для обработки земли.

В помощи слабым или обедневшим дворам сказывалось действие механизма круговой поруки и необходимость обеспечения хозяйственных интересов сельского общества. Общине невыгодно было ни чрезмерное обогащение, ни обнищание крестьянских хозяйств (первые начинали посягать на общинные угодья, а вторые превращались в обузу). Однако неверно было бы отрицать и традиции

коллективизма, взаимовыручки, присущие общинникам. К примеру, погорелец после пожара отправлялся в близлежащие селения, жители которых снабжали его не только хлебом, но и одеждой, посудой и другими необходимыми вещами. Односельчане же, не дожидаясь его просьб, все это сами приносили в дом, где пострадавший временно поселялся, и впоследствии помогали ему строить собственный дом.

Полевые материалы, архивные документы и сведения дореволюционных исследователей свидетельствуют о большом значении родственной взаимопомощи. Во многих общинах даже земельные наделы родственным семьям старались выделять поближе друг к другу, чтобы в случае необходимости они могли оперативно оказывать помощь.

Организация помочей для удобрения наделов, рубки и вывозки дров из леса в удмуртских деревнях практиковалась довольно редко, к такой форме взаимовыручки прибегали только те хозяйства, в которых не хватало рабочих рук, лошадей, или когда хозяйства вынужденно кооперировались друг с другом из-за дальности полей и лесов. Редко устраивали *веме* и на жатву. Любой общинник, закончив жатву на своем наделе, шел помогать односельчанину, не дожидаясь официального приглашения или принятия мирского приговора.

Зажиточные главы хозяйств из соображений выгоды часто собирали помочи и при жатве, в чем проявлялось социальное неравенство членов соседской общины. Нередко на *веме* от маломощных хозяйств присутствовали взрослые дети или родители, в то время как от состоятельных дворов приходил кто-либо из батраков. Между тем богатые общинники к коллективной помощи односельчан прибегали чаще, так как экономически это было для них выгодным: стоимость угощения никогда не превышала стоимости полученной помощи. Как отметил А. Н. Вахрушев, зажиточные крестьяне иногда собирали до 100 человек, и в первую очередь среди помочан присутствовали те, кто находился в экономической зависимости от них. В период уборки урожая, например, 100 человек могли сжать 15–20 га, на угощение же расходовалось в среднем 2–3 ведра самогона и готовились незатейливые обед и ужин [4. С. 110–112].

Вокруг участия в помочах сложился комплекс этических норм. В принципе любой общинник мог отказать в помощи, но фактически никто не мог себе этого позволить: принудительный севооборот, жесткая регламентация полевых работ заставляли считаться с хозяйственным циклом соседей и, когда необходимо, прибегать к их помощи или самому оказать таковую кому-либо. Обязательность помочей глубоко осознавалась крестьянами и в нравственном плане, особенно если *веме* устраивалось для семьи, оказавшейся в тяжелой ситуации. Если же помочи организовывал богатый односельчанин, то крестьяне, заинтересованные в его поддержке, не могли отказать от приглашения уже в силу некоторой экономической зависимости.

Осознание необходимости взаимной выручки, помощи друг другу, преимущества коллективной работы и добрососедских отношений нашли широкое отражение в устном творчестве народа. «Без соседей жить нельзя / *Иськавынтэк улыны уг лу*», «К соседям во всякое время можно обратиться / *Иськавын-боляк*

дору котьку мыныны луоз» «У одной головы один ум, у двух – два, а ум соседей-родственников – всем умам ум / *Одиг йырлэн одиг визьмыз, кык йырлэн – кык визьмыз, иськавын-боляклэн визьмыз – вань визьлы визь*», «Не посоветовавшись с соседями, не нужно начинать дела / *Бускелен кенештэк ужез кутсконо овол*», «Помогай другим и тебе помогут / *Юрттйськы, тыныд но юрттозы*», – говорили в народе.

Помочи играли существенную хозяйственную и нравственную роль как одна из форм коллективной деятельности, где вырабатывались, закреплялись и передавались в межпоколенной трансляции производственные приемы и навыки, происходил обмен эмпирическими знаниями и наблюдениями. Общественное мнение выделяло лиц, успешно овладевших тем или иным приемом, осуждало и высмеивало неловкость, небрежность или неприемлемые новшества. Молодежь не раз слышала, как об искусных работниках, мастерах отзывались «*зарни ки*» (буквально – золотые руки), а о лодырях, болтунах и нерадивых высказывались метко и однозначно – «*кыыз мажес*» (руки, что грабли). О них же сочинялись насмешливые афоризмы, например «Язык острый, да руки тупые / *кылыз лэчыт, кыыз мырк*».

На помочах высоко ценилась роль стариков как носителей социально значимых навыков, знаний, приобретенных опытом, исполнителей индивидуальных неформальных ролей.

Таким образом, *веме* – форма помощи трудом, оказываемой по просьбе или извещению кого-либо из членов соседской общины. Ее оказывали всем нуждавшимся и входившим в общину. Помощь, в которой мог нуждаться как богатый, так и бедный, представляла собой одновременно и привилегию, и обязанность. Термин *веме* обозначал также связи внеэкономические.

У нас нет оснований говорить о том, что в современной деревне традиция соседской взаимопомощи забыта, равно как и о том, что она рано или поздно уйдет из жизни сельского сообщества. Пока сохраняется семейное хозяйствование на земле, пока сельский социум будет пронизан связями родства, соседства и свойства, деревенский «мир», основанный на «коротких», персонифицированных социальных связях (в отличие от преимущественно «анонимного» городского сообщества), сохранится и традиция взаимной помощи. Сельское сообщество, как никакое другое, понимает, что обычай соседской, родственной взаимопомощи – не только механизм экономического выживания в вечном противостоянии с природой и неблагоприятными жизненными обстоятельствами, но и духовная, нравственная ценность, на которой держится деревенское общежитие. И в ее сохранении заинтересованы не только бедные и слабые (старики, вдовы, многодетные или неполные семьи и др.), но и успешные фермеры и зажиточные семьи. Наличие деревенской идентичности, деревенского патриотизма выражается в осознании крестьянами важности своих отношений с односельчанами. При этом коллектив односельчан воспринимается не абстрактно, а как конкретная связь конкретных индивидов. Связь, от которой в определенной степени зависят личное благополучие, психологическое равновесие. Каждая семья в той или иной ситуации может стать донором или реципиентом услуги, при этом подразумевается, что получатель в свое время

окажет ответную помощь, хотя ее вид и сроки «оплаты» заранее не оговариваются. Таким образом, в деревне не существует семей только доноров или только получателей помощи [7. С. 84].

В современных исследованиях традиции взаимопомощи обмен услугами считается сегментом неформальной экономики и обычно фигурирует под названием «реципрокное взаимодействие», причем, по мнению С. Барсуковой, «чем враждебнее государство, тем масштабнее межсемейная кооперация как объединение усилий в целях выживания. И, наоборот, взятие государством на себя ряда важных социальных функций ведет к ослаблению неформальной кооперации, к низведению ее на уровень культурно-духовной и психологической поддержки» [8. С. 20].

Ярким примером реципрокной экономики является едва ли не ежегодная помощь родственников-горожан в выполнении самых трудоемких сезонных работ (подготовка почвы, посадка и уборка овощей, закладка урожая на зиму и др.). Отдариваются селяне частью урожая, а те же горожане взамен часто привозят лекарства, одежду, обувь.

В современной деревне нехватка рабочих мест, предопределяющая труд на личном подворье как обязательное условие существования, сильнее всего бьет по молодым, экономически неокрепшим семьям. В силу этого родители часто вынуждены «тянуть на себе» хозяйства детей. Характер межпоколенной взаимопомощи приобрел новые черты: родители-пенсионеры стали источником не только продовольственных, но и денежных поступлений. Денежные ссуды от родителей чаще всего возвращаются в виде услуг: взрослые дети «отдариваются» работой на родительском огороде, заготовкой дров, кормов для скота и т. д.

К соседям обычно обращаются при каждодневной хозяйственно-бытовой деятельности: в случаях одалживания продуктов питания (хлеба, песка и др.); обмена рассадой, семенами; присмотра за огородом, домом, скотиной в недолгое отсутствие хозяев. К помощи соседей прибегают при некоторых видах работ (посадка картофеля, ремонт хозяйственных построек и др.), при необходимости обратиться за небольшими денежными ссудами – «до пенсии», «до получки». По словам одной из собеседниц, «если односельчане обращаются за техникой для вспашки огорода, мы не отказываем. Сын пашет бесплатно. Как деньги со своих братья, они же нам тоже помогают. Мы и картофель садим сообща. Звать никого не надо, сами приходят. Привезем сено, поднимать на сеновал тоже помогают» [9].

К близким друзьям и родственникам обращаются при крупных покупках, свершении обрядов, строительстве дома или подсобных помещений, при сезонных работах в поле, продаже мяса или молодняка.

Социальная и имущественная поляризация, появление среди сельчан успешных адаптантов и дезадаптантов создают «поля напряжения» во взаимоотношениях. Натурально-потребительская ориентация в хозяйственной деятельности семьи постепенно формирует психологический тип селянина, склонного полагаться на самого себя и домочадцев. Каждое отдельно взятое дворохозяйство борется за свое жизнеобеспечение собственными силами. Подобная ситуация отчуждает дворы друг от друга, замыкает их в рамках семейных коллективов,

ослабляя традиционную деревенскую открытость и солидарность, сужая сферу функционирования соседской взаимопомощи: «Ситуация в отношениях между людьми стала хуже. Раньше бедных и богатых резко было не отличить, а сейчас из-за этого наряженные отношения. Существуют напряженные отношения между бюджетниками и колхозниками, так как весь вопрос в зарплате: у бюджетников она выше», «отношения между людьми меняются, все замыкаются в кругу семьи...», «рассчитывать сегодня на кого-то сложно, и родственники не всегда могут помочь, особенно деньгами» [9]. Тенденция эта приобретает все более зримые очертания: междворовые контакты движутся в направлении прагматизации, рационализации, отчужденности, упрощения и опосредованности, хотя преувеличивать их, по-видимому, пока не стоит. Сохраняется пока «некая почти неуловимая жизненная ткань, скрепляющая сельское поселение в единое саморегулирующееся и выживающее вопреки всему сообщество» [10. С. 402]. В деревне сегодня еще не встретишь бомжей, нищих, профессионально занимающихся сбором подаяний. Люди как-то (не без помощи односельчан и производственных коллективов) организовали себе и стол, и кров, и работу, хотя бы временную. И в основе этого механизма невозможно не усмотреть «моральную экономику» современного земледельца.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Бабашкин В. В.* Концепция «моральной экономики» крестьянства и российская деревня начала XX века // *Крестьяноведение. Теория. История. Современность.* Учен. зап. Вып. 6. М., 2011. С. 135–156.

2. *Скотт Дж.* Моральная экономика крестьянства как этика выживания // *Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире.* Хрестоматия / Сост. Т. Шанин. М., 1992. С. 202–210.

3. *Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история.* 1993. № 6. С. 79–110.

4. См., напр.: *Мартынова М. М.* Удмуртская община (бускель) в конце XIX– начале XX в. // *Вопросы истории капиталистической России.* Свердловск, 1972. С. 313–325; *Вахрушев А. Н.* Удмуртия в период развития промышленного капитализма в России // *Записки УдНИИ.* Ижевск, 1955. Вып. 17. С. 67–127.

5. См. об этом подробнее: *Семенов Ю. И.* Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // *Становление классов и государств.* М., 1976. С. 25–37.

6. *Громыко М. М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. 275 с.

7. *Лылова О. В.* Неформальная взаимопомощь в сельском сообществе // *Социологические исследования (далее – Социс).* 2002. № 2. С. 84–85.

8. *Барсукова С. Ю.* Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика // *Социс.* 2004. № 9. С. 20.

9. НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1533. Л. 31.

10. *Троцук И. В.* Сельская повседневность: поэтический взгляд социолога // *Крестьяноведение. Теория. История. Современность...* М., 2011.

Поступила в редакцию 18.02.2014

G. A. Nikitina

Mutual Aid as an Integral Part of “Moral Economy” in the Peasant Society

The custom of giving mutual aid (*veme*) is regarded as one of the social principles providing subsistence insurance for peasants in case of famine and other adverse situations. James S. Scott called this principle “moral economy” of the peasant. It was used in the past and is still used in rural communities nowadays. The paper demonstrates transformations in Udmurt rural communities at the turn of the 21st century which are influenced by market-oriented social reforms.

Keywords: Udmurt peasantry, the concept of “moral economy”, *veme*, the specificity of contemporary forms of mutual aid among peasants.

Никитина Галина Аркадьевна,

доктор исторических наук, профессор,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: nikitina@udnii.ru; rab.nikitina@yandex.ru

Nikitina Galina Arkadieвна,

Doctor of Sciences (History), Professor,
Udmurt Institute of History, Language and Literature of the
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: nikitina@udnii.ru; rab.nikitina@yandex.ru